

Методику подобного анализа к тем местам «De providentia», где Синесий касается социальной напряженности, Г. Альберт, однако, не применяет. Более того, в отличие от анализа «De regno», он сознательно не касается философско-этического аспекта «De providentia», который-де не служит целям исследования (с. 71).

Досадно, что немецкий ученый не попытался решить и другой, связанный с источниковой базой темы, принципиальный вопрос: почему церковно-историческая традиция приписала Гайне узурпаторские планы (с. 74—75, примеч. 74; 87—88, примеч. 3; 110, примеч. 111)? Явно недостаточно объяснение, согласно которому Сократ, Созомен и Феодорит преувеличивали опасность, чтобы подчеркнуть роль божественного провидения в спасении государства. Недостаточна и апелляция к безусловно интересным наблюдениям А. Липпольда: последний лишь сравнил указанные мысли церковных историков с суждениями других позднеантичных авторов о коварных намерениях варваров вообще в отношении империи и отметил (вслед за И. Штраубом) топологический характер подобных оценок.

Неровное внимание к источникам проявляется в книге и в том, что автор крайне редко использует данные законодательства при раскрытии политики той или иной правящей группы. Между тем анализ таких сведений позволил бы, например, лучше раскрыть суть «гражданского правительств» Евтропия и причины его большей устойчивости, нежели префектуры Аврелиана. Ведь недаром в те годы законы благоприятствовали торгово-ростовщическим элементам провинций, а торгово-ростовщическая верхушка городов усилилась через включение в курии богатых плебеев⁸.

Нельзя не обратить внимание и на то, что подробно рассмотренные Г. Альбертом действия в 399—400 гг. Иоанна Златоуста оказываются изъятными из контекста предшествующего (в том числе антиохийского) периода деятельности этого виднейшего церковного политика. Отсюда трудность понимания подоплеку появления Иоанна на константинопольской кафедре (с. 151, примеч. 1). Апелляция к мнению К. Закжевского о попытке Евтропия опереться в конфликте с сенаторами на церковь неаргументированна, хотя дальше Альберт прямо говорит о глубоком конфликте между die Ver-

mögenspolitik церкви и экономическими интересами сенаторов (с. 169).

Конечно, доказательства в пользу самостоятельной позиции Златоуста в конфликтах 399—400 гг., — позиции, направленной на усиление столичного епископата (с. 177), — очень интересны: здесь и осуждение им «врага церкви» Евтропия; и использование выдачи готам комита Иоанна, Аврелиана и Сатурнина для критики богатства и алчности этих лиц (что вскоре ухудшило отношения Златоуста со двором); и, наконец, отказ передать готам-арианам одну из столичных церквей. (Поэтому, по Альберту, Златоуст оказался «между фронтами» накануне июля 400 г.) Однако автор бездоказательно пишет о глубоком доверии епископу со стороны «широких слоев столичного населения» как опоре независимости Златоуста, тем более что при оценке событий 12 июля говорится как о «спонтанном взрыве» ненависти горожан к готам, так и о потере епископом контроля над восстанием (с. 171—182).

Таким образом, представленный Г. Альбертом материал объективно ведет дальше постулируемого в монографии вывода о чисто политическом характере борьбы в Константинополе в последние годы IV в. Возвращаясь в этой связи к поставленному в начале рецензии вопросу о понимании исследователем сущности die Gai-nas-Krise, нельзя не признать, что данный кризис сводится им к столкновению Гайны с ситуацией, определяемой, с одной стороны, растущей враждебностью власть имущих к карьеристским планам гота, а с другой — давлением «свиты» последнего, которая стремилась к лучшему статусу. Многочисленные серьезные наблюдения исследователя по частным моментам темы не могут восполнить скромности такого обобщения.

Тем не менее основная заслуга Г. Альберта — в убедительном показе несостоятельности концепций о борьбе «германизма» и «национально-римского» направления в политике и идеологии поздней античности. С другой стороны, его труд подкрепляет соображения об отсутствии условий для закрепления варваров в Византии IV—V вв. из-за специфики расстановки в ней социальных и политических сил. Однако, хотя Г. Альберт подходит близко к осознанию значимости в борьбе того времени социального фактора, большинство просчетов книги вызвано явной недооценкой последнего.

А. С. Козлов

В е с к Н. G. Kaiserin Theodora und Prokop: Der Historiker und sein Opfer // Serie Piper-Porträt. München; Zürich, 1986. 166 S.

Новая книга замечательного западногерманского византиста Ханса Георга Бека написана без единой ссылки и вышла в популярной серии. Таких работ о Феодоре вышло за рубежом немало — уж больно соблазнительен материал «Гайной истории». Прокопий позволяет историку

не оглядать научную совесть самочинным расцвечиванием сведений источника: его рассказ беллетристичен сам по себе, достаточно процитировать, чтобы развлечь читателя, не изменив в то же время подлиннику.

Казалось бы, книга Бека очередная

⁸ См.: Курбатов Г. Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв.: (Конец античного города в Византии). Л., 1971. С. 147.